

АЛТАЙСКАЯ ПРАВДА

Орган Алтайского краевого комитета КПСС и краевого Совета народных депутатов

№ 32 (17068)

ВТОРНИК, 7 ФЕВРАЛЯ 1978 ГОДА

Газета выходит с 12 августа 1917 г.

Цена 2 коп.

ТРЕТИЙ ГОД ПЯТИЛЕТКИ НАБИРАЕТ ТЕМП. Его отличительной особенностью является всеобщее стремление сохранить, закрепить трудовой порыв и ритм юбилейного соревнования, сегодня работать лучше, чем вчера, а завтра — лучше, чем сегодня. Этот боевой лозунг для населения отобразился в социалистических обязательствах трудовых коллективов и всего нашего края в целом. Определены новые высокие рубежи по пути к успешному выполнению решений XXV съезда партии. Третий, ударный год пятилетки, несомненно, является значительной вехой в нашем поступательном движении вперед.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА — В ДЕЛА!

Обязательства трудящихся Алтай, ряда городов, районов, предприятий, хозяйства и производственных подразделений сформулированы в печати. При разных масштабах они, как и все обязательства, приняты во всех трудовых сферах и звеньях, едины в главном: учтены и взяты на вооружение новые резервы, которыми так богата наша социалистическая система хозяйства. Они проникнуты духом твердой уверенности в том, что все намеченное будет сделано. Истоки этой уверенности — в решениях декабрьского (1977 г.) Пленума ЦК КПСС, Письма ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о разветвлении соревнования. Эти исторические документы дали партийным организациям, всему нашему народу четкую программу действий. Мощный заряд энергии всем и каждому дало выступление на Пленуме Леонида Ильича Брежнева. Концентрированным выражением общего подъема и делового настроя, стратегии и тактики трудового наступления и явились социалистические обязательства на 1978 год.

И ТАК, ЦЕЛИ НАМЕЧЕНЫ И КОНКРЕТИЗИРОВАНЫ, ПУТИ К НИМ ОПРЕДЕЛЕННЫ.

Теперь главное — последовательно, со всей настойчивостью и партийной строгостью превратить задуманное в дело. Сегодня социалистическое соревнование пронизывает всю толщу трудового коллектива, начинаясь от рабочего места, от личного плана повышения производительности труда. Обязательства — это производственные обязательства подразделений, из индивидуальных наметок. И важно, чтобы они всегда были перед глазами, чтобы по ним велась работа каждого дня. Это должно стать неукоснительным правилом. Сделать социалистические обязательства оружием повседневной борьбы за эффективность и качество — боевая задача партийных организаций. Это значит — не идти на компромисс, когда кто-то в чем-то недоработает, рассчитывая на следующий день. Недоработки имеют свойство накапливаться, а это, в конечном счете, ведет к серьезным срывам, к провалу плана в масштабах целого предприятия. Любое отставание надо пресекать в зародыше. Каждый день и час на каждом рабочем месте должен быть ударным.

Первый месяц года показал, что именно так и действуют многие трудовые коллективы. Хорошую заявку сделали барнаульские текстильщики. Меланжевый и хлопчатобумажный комбинаты закончили месяц с перевыполнением плана. А ведь оба эти предприятия долгое время отставали. Пример текстильщиков — красноречивое доказательство тех огромных возможностей, которые открываются новой техникой и стремление людей подняться в своем труде на уровень, соответствующий высоким рубежам пятилетки.

ГОРИЗОНТЫ 1978 ГОДА. Как НИКОГДА, требуют четкого ритма производства. «Главное», — отмечается в Письме о разветвлении соревнования, — с первых дней года обеспечить четкий ритм работы, выполнение государственных плановых заданий и социалистических обязательств каждым трудовым коллективом, районом, областью, краем и республикой. Ритмичность же предполагает прежде всего высокую слаженность в работе как внутри предприятия, так и вне его, в действии смежных производств. Широкая производственная связка вовсе не означает распыленности, она всегда будет на пульте управления, если взяты за дело с инициативой. Тут нам есть что предложить у наших напарников по соревнованию — красноярцев.

ВСТРЕЧА МАСТЕРОВ

На днях в Доме научно-технического прогресса состоялась встреча победителей юбилейного соревнования. Если в 1976 году только 5 доек получили от каждой коровы более 3.000 килограммов молока, то сейчас их 11. Навышших результатов добились животноводы шестой фермы совхоза «Баевский», которой руководит А. А. Бурдин. Этот коллектив обеспечил надой на корову по 2.970 килограммов и сдал на завод, — верный залог четкого, бесперебойного ритма. Оно означает и дисциплину поставок, и взаимную заинтересованность, и ответственность, снимает те ведомственные барьеры, которые еще причиняют немало помех.

В крае ширится движение за выполнение планов трех и более лет лятилетки к годовщине новой Конституции страны. Насущная задача партийных организаций и хозяйственных руководителей — всемерно развивать эту патристическую инициативу. Важно постоянно поддерживать атмосферу трудового творческого подъема, чтобы накал соревнования не спал ни на минуту, а, напротив, становился все выше. Многие знают тут опыт и энтузиазм передовиков. Недавно славная колхозница лауреатка премии имени ратных династий и знатных тружеников села пополнилась новым гвардейцами пятилетки. Это событие имеет неоспоримый общественный смысл. Перед нами — яркий и вдохновляющий пример того, как можно и нужно работать в наши дни. Какое широкое поле деятельности в этой связи открывается перед агитаторами и политинформаторами! Познакомить массу с лучшими из лучших, передать не только их опыт, но и душевный настрой — значит иметь завтра новые сотни и тысячи передовиков.

НЕОБХОДИМО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВСЕ СРЕДСТВА партийной, массово-политической работы, чтобы намеренно превратить в дела. Долг партийных организаций — держать каждый пункт обязательств под неослабным контролем, сочетая строгий партийный контроль с конкретной помощью, повышать ответственность руководителей за выполнение всего того, что коллективно намечено и утверждено. Заменам соревнования должна стать работа без отставаний, работа высокоэффективной и высококачественной, в которой каждый сполна проявил бы свои способности и таланты.

УСПЕХ ДОЯРКИ

Тон в социалистическом соревновании среди доярок Рагунского отделения совхоза «Сибиряк» задает Анна Ивановна Писковая. Она надела в прошлом году по 3.368 килограммов молока от каждой коровы. В третьем году десятилетия Анна Писковая попрежнему добивается наивысших показателей в работе, наравняя в сутку по 10 килограммов молока от коровы.

Успеху передовой доярки А. И. Писковой посвящены «молнии» и боевые листки, а перед зданием конторы совхоза «Сибиряк» в честь нее поднят флаг трудовой славы.

Первомайский район.

Говорят участники соревнования

Передовые коллективы Москвы, как известно, обязались завершить задания трех лет пятилетки к первой годовщине новой Конституции страны. Их патристическая инициатива получила высокую оценку в Письме ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Многие алтайские моторостроители последовали примеру знаменитых социалистического соревнования. Такое же решение приняла и наша бригада коммунистического труда.

Задать у нас имеется хороший. Прошлогодние обязательства перекрыты по всем показателям: выпуску сверхплановой продукции, повышению производительности труда, экономии режущего инструмента, материалов и электроэнергии, внедрению рационализаторских новшеств. Нынешнюю производственную

ЗАДАНИЯ ТРЕХ ЛЕТ — ДОСРОЧНО!

программу постараемся выполнить к 1 декабря и затем изготовим изделия доплатить до 8 тысяч рублей. Производительность труда наметили поднять по сравнению с прошлогодним уровнем на 5 процентов.

Ударные вахты уже принесли отрядные результаты. Коллектив участка высочайшего инструмента, где трудится и наша комплексная бригада слесарей, токарей, шлифовщиков и доводчиков, возглавляемая Анатолием Григорьевичем Песыным, за первую декаду января выдала 40 процентов всей месячной продукции. Намеется, что такой темп и ритм сохранится и впереди. Комсомольцы Николай Дорошенко, Юрий Злобин, Михаил Нефедович Смирнов и бригадир выпускают изделия уже в счет 1979 года. По такому же календарю работаю и я.

В Пясьме, обращенном ко всем трудящимся страны, говорится: «Ни одного отстающего работника — вот боевой девиз коллективного труда, вот веление нашего времени». Мы, конечно, тоже следуем этому девизу. В нашей бригаде уже давно нет таких, которые не выполняли бы сменных норм. Добиваемся, чтобы не стало их на всем участке.

Все обязательства и расчеты бригады имеют надежную основу. У нас теперь установлен мощный пресс усилием в 2 тысячи тонн. Он позволил внедрить прогрессивный пластический метод обработки металла. Уже не приходится тратить время на добычу по другим участкам для изготовления некоторых деталей, нет необходимости и разогреть заготовки из-за маломощности прессы. Повысилось мастерство членов бригады. Улучшился уход за оборудованием. Укрепилась трудовая дисциплина. Строже стала соблюдаться технология. После перехода в новый корпус корешки обрабатываются в условиях работы.

Мы сейчас испытываем по существу лишь одну трудность. Она в том, что каждый месяц приходится разрабатывать и осваивать новый высочайший инструмент. Это потому, что все больше разных типов деталей переводится на пластический (бесстружечный) метод обработки. Но дело тут творческое, интересное, очень выгодное, и мы, безусловно, приложим все старания, чтобы оно развивалось без каких-либо задержек и помех.

ВОСЕМЬ НЕДЕЛЬ НА ОРБИТЕ

ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ ПОЛЕТОМ, 4 февраля. (ТАСС). Восемь недель работают на орбитальной орбите Юрий Романенко и Георгий Греков. Вчера космонавты полностью завершили программу работ по разгрузке транспортного корабля снабжения «Прогресс-1» и дозавтра же топливом. Во второй половине дня экипаж пилотируемого космического комплекса «Салют-6» — «Союз-27» — «Прогресс-1» выполнит очередной цикл технических испытаний по программе эксперимента «Резонанс». За время полета космонавты провели уже четыре серии таких испытаний при различном построении орбитального комплекса, включающего станцию «Салют-6», пилотируемые космические корабли «Союз-26», «Союз-27» и грузовой транспортный корабль «Прогресс-1». Цель эксперимента «Резонанс» — изучение динамических характеристик сложной орбитальной системы и определение величин, действующих на ее конструкцию нагрузок.

Сегодня у экипажа орбитального комплекса день активного отдыха. Космонавты выполняют запланированные физические упражнения на велоэргометре и беговой дорожке, проводят контроль бортовых систем станции и корабля, работают с бортовой документацией, отдыхают. По докладом экипажа и данным телеметрической информации, состояние бортовых систем космического комплекса в норме. Самочувствие товарищей Романенко и Греков хорошее. Полет пилотируемого орбитального научно-исследовательского комплекса продолжается.

СОРЕВНУЮТСЯ ЗА КАЧЕСТВО

Более 2.000 человек, 300 производственных бригад на Барнаульском хлопчатобумажном комбинате включились в этом году в соревнование за высокие звания «Отличник качества» и «Бригада отличного качества».

Лучшей ровничнице предприятия Р. В. Матросовой уже присвоено почетное звание «Отличник качества». Передовая работница не протренировала шесть месяцев выпускает продукцию только первым сортом. К завоеванию такого же звания сегодня близки десятки других работниц.

К. ВЕЛИЧКО.

ОКОЛО ГОДА НАЗАД

в нашей газете публиковался репортаж «Нам самый большой дом». Речь шла о 720-квартирном здании, которое тогда возводил Барнаульский ДСК в 1090 квартале. Это был первый в истории Барнаула и Алтай такой большой дом, и он уже полностью заселен.

Но еще далеко не все его блок-секции были смонтированы и тем более отделаны, когда монтажники приступили к возведению еще более вместительной девятиэтажки на 23 блок-секции (832 квартиры) в 1095 квартале. Ее строительный номер — 42. Дом этот примечателен тем еще, что он первый из серии 111-121 смонтировался в блок-секционном исполнении.

К лету 1977 года на площадке можно было наблюдать все стадии блок-секционного строительства — в одном месте торчали сваи, в другом — закладывалась с фундаментами, в третьем — монтировалось сразу несколько блок-секций, в четвертом, где раньше все началось монтаж, — появились «толпы», маляры...

Фоторепортаж

Вступили и вступают в строй действующих И СНОВА — НАШ САМЫЙ БОЛЬШОЙ ДОМ

А сегодня почти подмога заселено. В нескольких блок-секциях вступают в строй бригады, как Михаила Кузнецова. И, по всему видно, способен на это. Разумеется, при надлежащем снабжении и комплектации, в которых инженерным службам ДСК и поставщиков еще есть что улучшить и улучшить.

На снимках нашего фоторепортажиста Геннадия Самохвалова вы видите лишь малую часть дома № 42 в 1095 квартале и одного из искусных его монтажников, ударника коммунистического труда Владимира Лосева.

И. ДЕМЬЯНОВ.

ХОЗЯЙСТВА ПЕТРОПАВЛОВСКОГО РАЙОНА

справились в 1977 году с планом поставок молока государству. Однако проверка показала, что в производстве молока, повышении его качества в районе имеется еще много неиспользованных возможностей.

В колхозе «Родина», например, ступили пады у коров ушли в начале января до полутора килограмма, что составляет менее половины среднегодового показателя. В колхозе «Путь к коммунизму» вышло не падают от случая к случаю, в три килограмма. За первые три месяца зимовки в районе произведено почти на 600 центнеров молока меньше, чем за этот же период в минувшем году.

Не на высоте и качество молока. Колхоз «Родина» в прошлом году отпарил на заводы первым сортом только 2,3 процента молока, второе — 2,3 процента, третье — 5 процентов. Да и может ли быть иначе, если в том же колхозе «Родина» в коровниках грязно, коровы выпускаются на прогулку от случая к случаю, доильные аппараты моют плохо, доярки не созданы необходимые культурно-бытовые условия?

ПО НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Новый вид прибора в третьем году пятилетия основной продукции Байской мебельной фабрики управления местной промышленности. Теперь они выпускают полиуретановые. Внедрение новой технологии стало возможным после ввода в строй нового производственного корпуса с установкой там специального оборудования — автоматических и полиуретановых машин. Работы по его освоению закончены, о чем говорят не только хорошее качество продукции, но и уверенное выполнение январской программы. Тщательное применение новой технологии привнесло производство в 1978 году по сравнению с предыдущим состоянием 130 тысяч рублей.

Н. НОГАШЕВ, директор фабрики, г. Байск.

УЧЕБА ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ

Закончились занятия очередного потока на курсах повышения квалификации партийных и советских работников при крайком КПСС. Председатели партийных комиссий, инструкторы организационных отделов горкомов и райкомов партии прослушали курс лекций по актуальным проблемам марксистско-ленинской теории, вопросам партийного руководства развитием экономики и культуры, организаторской и политической работы в массах и внешнеполитической деятельности КПСС.

Большое внимание на курсах было уделено изучению решений октябрьского и декабрьского (1977 г.) Пленумов ЦК КПСС, внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР, Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и доклада товарища Л. И. Брежнева на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященного 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

С лекциями и докладами на курсах выступили первый секретарь крайкома КПСС Н. Ф. Аксенов, секретарь крайкома КПСС А. Н. Невский, заведующие отделами крайкома КПСС В. Я. Алябин, Б. В. Боровиков, И. В. Ярошенко, председатель партийной комиссии при крайком КПСС А. С. Калугин, ученые научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений города Барнаула, руководители краевых ведомств и организаций, ответственные работники крайкома КПСС.

Слушатели курсов ознакомились с работой Павловского и Центрального райкомов КПСС и партийного комитета Алтайского завода агрегатов, обменялись опытом.

На контроле — ХОТЯ ПЛАН И ВЫПОЛНЕН...

Есть подобные факты и в других хозяйствах. В колхозе имени Ленина на фермах не соблюдаются ветеринарные правила. В результате хозяйство страдает почти половиной молока несортного. Между прочим, на фермах края широкое распространение получили санитарные дни, которые помогают значительно улучшить качество продукции и условия труда. Однако в Петропавловском районе к этому важному мероприятию до сих пор лишь присматриваются.

Вносит свой вклад в получение молока низкого качества и специальная станция районной Сельхозтехники, которая из рук вон плохо ведет техобслуживание ферм. Ни главный инженер О. В. Миронас, ни начальник станции В. П. Алексеев не смогли ответить на вопрос, соблюдается ли график, и где, когда в последний раз проводилась работа по обслуживанию доильных и холодильных установок.

Петропавловцы мало еще внедряют такую эффективную форму повышения продуктивности, как раздой коров. Им в районе по-прежнему не занимаются ни в одном хозяйстве. В районе не удовлетворительно организовано воспроизводство стада, большая часть скота. Это также является одной из главных причин того, что в 1977 году молока было произведено на 421 тонну меньше, чем годом раньше.

Руководители и специалисты хозяйств также положение пытаются оправдать недостатком кормов. Действительно, их заготовлено меньше, чем в прошлые годы. Но, казалось бы, наилучший выход в создавшихся условиях — это повысить отдачу кормов путем их приготовления, обогащения микро- и макроэлементами и другими питательными веществами. А что же в деле?

В районе 8 кормопунктов. С декабря включились в работу, да и то с перебоями, только два, в январе работали 4. Не все ладно в хозяйствах и с учетом кормов. К примеру, в колхозе «Родина» месячные

планы расхода кормов не составлены, учет и контроль за потреблением не налажены. В ведомости часто не указывается рацион, лимит расхода на день, не учитывается двукормовая система, а корма выдаются на количество животных, имеющихся на начало месяца. Это неизбежно ведет к перерасходу. Бухгалтерия же, призванная упорядочить учет, напротив, списывает любое количество кормов, только бы были представлены документы. В погоне, например, по ферме № 4 списаны концентрированные корма и травяная мука. В итоге только по одной ферме допущен перерасход 396 центнеров концентрированных кормов и 403 центнеров травяной муки. А всего за три месяца зимовки в колхозе израсходовали сверх нормы 1.200 центнеров сена и почти 6 тысяч центнеров силоса.

Не лучше обстоит дело с учетом и расходом кормов в колхозах «Прогресс» и «Путь к коммунизму». В колхозе «Прогресс» начальники комплексов А. Х. Матвеева, соп-

рались», как он выразился, на свой двадцатилетний опыт, заявив: «Бригадир сам знает, какому скоту сколько и какого корма надо дать, а мы списываем по «листу». Разумеется, ничего, кроме безхозяйственности, за этим скрывается не может. И действительно, норма здесь выдается без учета особенностей животных и их количества. В ноябре, к примеру, кормов выданы на стадо, в котором в действительности было на 214 животных меньше. К чему это приводит, понять нетрудно.

В районе наарада необходимо более детально изучить весь комплекс вопросов развития животноводства и принять конкретные меры по улучшению отрасли. В этом большое поле деятельности для всех специалистов управления сельского хозяйства райисполкома, всех труженников ферм.

А. СИНЕЛЬНИКОВ, инспектор краевого комитета народного контроля, Петропавловский район.

4 февраля исполняется 35 лет со дня высадки десанта и начала битвы на Малой земле.

По многочисленным просьбам читателей перепечатаем воспоминания Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», опубликованные в журнале «Новый мир» № 2 за 1978 год.

Дневников на войне я не вел. Но 1418 огненных дней и ночей не забыты. И были эпизоды встречи, сражения, были такие минуты, которые, как и у всех фронтовиков, никогда не изглаживаются из моей памяти.

Сегодня мне хочется рассказать о сравнительно небольшом участке войны, который солдаты и моряки назвали Малой землей. Она действительно «малая» — меньше тридцати квадратных километров. И она великая, как может стать великой даже пядь земли, когда она полита кровью беззаветных героев. Чтобы читатель оценил обстановку, скажу, что в дни десанта каждый, кто пересек бухту и прошел на Малую землю, получал орден. Я не помню перевербов, когда бы фашисты не убиали, не топили сотни наших людей. И все равно на вырванном у врага плацдарме постоянно находилось 12—15 тысяч советских воинов.

17 апреля 1943 года мне надо было в очередной раз поехать на Малую землю. Число запомнил хорошо, да и ни один маломечен, думаю, и забудет его: в тот день гитлеровцы начали операцию «Нептун». Само название говорило об их планах — сбросить нас в море. По данным разведки мы знали об этом. Знали, что наступление они готовят не обычное, а решающее, генеральное.

И мое место было там, на передовой, в предместье Новороссийска, мыском впадающим в Цемесскую бухту, на узком плацдарме Малой земли. Как раз в апреле я был назначен начальником политотдела 18-й армии. Учитывая предстоящие бои, ее преобразовали в десантную, усилили двумя стрелковыми корпусами, двумя дивизиями, несколькими полками, танковой бригадой, подчинили ей в оперативном отношении Новороссийскую военно-морскую базу Черноморского флота.

На войне не выбираешь, где воевать, но должен признавать, назначение меня обрадовало. 18-ю все время бросали на трудные участки, приходилось уделять ей особое внимание, и я там, как говорится, дивал и ночевал. С командующим К. Н. Леселюдом и членом Военного совета С. Е. Колодиным давно нашел общий язык. Так что перевод в эту армию из полуприкрытого фронта лишь усилил фанатическое положение дел.

Переправы мы осуществляли только ночью. Когда я приехал на Гороскопский пристань Геленджика, или, как ее еще называли, Освободскую, у причалов не было свободного места, теснились суда разных типов, люди и грузы находились уже на борту. Я пошел на сейнер «Рида». Это была старая посудина, наведенная пропашная рыба, скрипяла ступеньки, ободраны были борта и палубник, изрешечена прамами от осколков и пуль палуба. Должно быть, немало пострадала она до войны, несладко приходилось ей и сейчас.

С моря дуг свиней вертел, было зябко. На юге вообще холод перебивает тяжелее, чем на севере. Почему — объяснить не берусь, но это так. Сейнер обивался на глезах. В разных местах на разных уровнях бойцы устанавливали пулеметы и противотанковые ружья. Каждый искал себе закуток поуютнее, пусть хоть тонкой дощатой перегородкой, но закрытый со стороны моря. Вскоре поднялся на борт военный лодман, и все пришло в движение.

Как-то странно это выглядело, будто толпой повалили на рейд. Но так было в первые минуты. Каждое судно точно знало свое место. «Рида» шла первой, за ней пыхтели, как мы называли их, мотоботы — № 7 и № 9. Сейнер встал их на буксир. Остальные суда выткнулись в караван с расстоянием 400—500 метров друг от друга, и мы взяли курс на Малую землю. Шли под охраной «морских охотников».

За три часа хода я думал побеседовать с бойцами пополнения, хотел лучше узнать людей. Общей беседы не вышло. Десантники уже заняли на палубе свои места, и не хотелось их поднимать. Решил пойти от группы к группе. Кому-то задавал вопросы, с кем-то перебрасывалась большей частью репликами, присаживался к бойцам для разговора. Убедился, что народ в основном обескураженный, в стране боевой. Я хорошо знал, что нужен разговор с солдатами, но я знал и другое: иной раз важнее бесед было для солдат сознание, что политрук — политический руководитель, идет вместе с ними, претерпевает те же тяготы и опасности, что и они. И это было тем важнее, чем острее складывалась боевая обстановка.

Далеко вперед, над Новороссийском, светило зарево. Доносился гулкие удары артиллерии, это было уже привычно. Значительно реже нас шлеп морской бой. Как мне сказали позже, это слышали наши и немецкие торпедные катера. Я стоял на правом открытом крыле ходового мостика рядом с лодманом: фамилия его, кажется, была Соколов.

Бойцы — рассказывал он — идут в десант один раз, а катерники каждую ночь. И каждая ночь — это бой. Привыкли. Мы, лодманы, чувствуем особую ответственность за всех. По существу, часто приходится, как говорится, на ощупь вести суда. На земле саперы разведывают минное поле, делают в нем проходы и уверенно ведут за собой людей. А наш путь немцы все время минуют запово — и с самолетов, и с судов. Где вчера прошел спокойно, там сегодня можно напороться на мину.

Чем ближе подходили к Цемесской бухте, тем сильнее нарастал грохот боя. Ночью плацдарм не часто бомбили, а тут волнами со стороны моря накатывали вражеские бомбардировщики, гул их заглушался грохотом взрывов, и от этого казался, что самолеты подкрадываются бесшумно. Они пикировали и тут же, разорва-

ваясь, уходили в сторону. Люди у нас подтянулись, суровые стали лица бойцов, вскоре мы и сами оказались на свету.

Ночная тьма во время переправ была вообще понятием относительным. Светили с берега немецкие прожекторы, почти непрерывно вносили над головой «фонари» — осветительные ракеты, сбрасываемые с самолетов. Откуда-то справа вырвались два вражеских торпедных катера, их встретили сильным огнем наши «морские охотники». Вдобавок ко всему фашистская авиация бомбила подходы к берегу.

То далеко от нас, то ближе падали бомбы, поднимая огромные массы воды, и она, подсвеченная прожекторами и разноцветными огнями трансирюющих пуль, сверкала всеми цветами радуги. В любую минуту мы ожидали удара, и тем не менее удар оказался неожиданным. Я даже не сразу понял, что произошло. Впереди трюмхолод, поднялся разоробленное судно. Так оно в сущности и было: наш сейнер напоролся на мину. Мы с лодманом стояли рядом, вместе нас взрывом швырнуло вверх.

Я не почувствовал боли. О гибели не думал, это точно. Зревшие смерти во всех ее обличьях было уже мне не в новинку, и хотя привыкнуть к нему нормальный человек не может, война заставляет постоянно учитывать такую возможность и для себя. Иногда пишут, что человек вспоминает при этом своих близких, что вся жизнь пронесится перед его мысленным взором и что-то главное он успевает поить о себе. Возможно, так и бывает, но у меня в тот момент промелькнула одна мысль: только бы не упасть обратно на палубу.

Упал, к счастью, в воду, довольно далеко от сейнера. Вынырнув, увидел, что он уже погружается. Часть людей выбросило, как и меня, взрывом, другие прыгали за борт сами. Плавать я с мальчишеских лет хорошо, все-таки рос на Днепре, и в воде держался уверенно. Отдышался, огляделся и увидел, что оба мотобота, отлав бурсы, медленно подрабатывают к нам вконец.

Я оказался у бота № 9, поднялся к нему и лодман Соколов. Держась рукой за привальный брус, мы помогали взбираться на борт тем, кто под грузом боеприпасов на плечах с трудом удерживался на воде. С бота их втащивали наверх. И ни один, по моему, оружием не бросил.

Прожекторы уже нацелили нас, вцепились намертво, и из района Широкой балки запалили Мысхако начала бить артиллерия. Били неточно, но от взрывов бот бросало из стороны в сторону. Грохот не утихал, а снаряды вокруг неожиданно перестали вращаться. Должно быть, наши пушки ударили по батареям противника. И в этом шуму я услышал злой окрик:

— Ты что, олох? Руку давай! Это кричал на меня, протгивая руку, как потом выяснилось, старшина второй статьи Зимода. Не видел он в воде погон, да и не важно это было в такой момент. Десантные мотоботы, как известно, имеют малую осадку и низко сидят над водой. Ухватившись за брус, я рванулся наверх, и сильные руки подхватили меня.

Тут только почувствовал озноб: апрель даже на Черном море не самое подходящее время для купания. Сейнера уже не было. Бойцы выжимали одежду и негромко ругались: «Чертов фриц, проклятый!» Постепенно все поутихло, устранился за ящиками и тюками. Ложились согнувшись или ничком, будто это могло спасти. А ведь главное было вперед. Главное — бой, куда вступить нам предстояло сейчас же.

И вдруг в этой трагической обстановке, при свете взрывов и огненных трасс родился песня. Пел один из матросов, помнится, очень большого роста; это была песня, рожденная на Малой земле, в ней говорилось о несладкой доле и силе таких вот бойцов, какие были сейчас на боте. Я знал эту песню, но теперь мне кажется, что именно тогда впервые ее услышал. Врезалась в память строка: «На тех деревянных скорлупках железные плавают люди».

Медленно стали приподниматься головы, лежащие садились, сидевшие вставали, и вот уже кто-то начал подпевать. Никогда не забуду этот момент: песня распрямляла людей. Несмотря на то, что пережитое, все почувствовали себя увереннее, обрели боевую форму.

Вскоре бот зашуршал по дну, и мы начали прыгать на берег. Резко зазвучали команды, бойцы сгружились ящики с боеприпасами, другие подхватывали их на плечи и бегом — тут подготавли не надо, огонь торопит — несли к укрытиям. Свалив груз, тотчас бежали обратно, все это под обстрелом, под грохот непрекращавшейся бомбежки. А с берега уже несли на носилках раненых, приготовленные к эвакуации, которых наше пополнение должно было сменить.

Пологая прибрежная полоса была покрыта галькой, дальше вздымался круча, верстая вилками. К ним-то и надо было проскочить, чтобы укрыться от огня, а затем забраться еще десант на полтора метров вверх, прыгнуть в траншею, ведущую в гущу Малой земли. И хотя, повторяю, главное было еще вперед, тут уж люди чувствовали себя спокойно. По ходам сообщения отсюда можно было пробраться к любой воюющей на плацдарме части, едва ли не к любому подразделению.

Переправы всегда были опасны, само плавание не обходилось без риска, и выгрузка, и перебежка, и подъем по круче, но всякий раз, прибывая на Малую землю, я возвращался к мысли: а как же высаживались здесь наши люди, когда на месте нынешних спасательных укрытий стояли немецкие пулеметы, а по ходам сообщения бежали невидимые десанникам гитлеровцы с автоматами и гранатами? У каждого, кто вспоминал, что тем, первым, было намного труднее, наверняка прибавлялось сил.

Все же, как известно, мы удерживали Малую землю ровно столько, сколько требовалось по плану советского командования, — 255 дней. Как мы их тогда прожили — я и хочу рассказать.

Нам война была не нужна. Но когда она началась, великий советский народ мужественно вступил в смертельную схватку с агрессорами,

Помню, в 1940 году Днепротровский обком партии собрал совещание лекторов. И тогда уделял особое внимание военно-патриотической пропаганде, о чем и шел у нас разговор. А был, как известно, заключен договор о ненападении с Германией, в газетах публиковались снимки встреч Молотова с Гитлером, Риббентропа со Сталиным, договор обещивал нам необходимую передышку, давал время для укрепления обороноспособности страны, но не все это понимали. И вот, как сейчас вижу, встал один из участников совещания, хороший лектор по фамилии Сахо, и спросил:

— Товарищ Брежнев, мы должны разъяснять о ненападении, что это всерьез, а кто не верит, тот ведет провокационные разговоры. Но народ то мало верит. Как же нам быть? Разъяснять или не разъяснять?

Время было достаточно сложное, в зале сидело четыре сотни человек, все ждали моего ответа, а раздумывать долго возможности не было.

— Обязательно разъяснять! — сказал я. — До тех пор, товарищи, будем разъяснять, пока от фашистской Германии не останется камня на камне!

В ту пору я был секретарем Днепротровского обкома по оборонной промышленности. И если кто и мог позволить себе благодушие, то я как-то должен был думать о том, что нам предстоит. На мою долю выпало немало важных и сложных дел по организации и координации такого огромного комплекса обороны, наким был в то время юг Украины, и в частности Приднепровье.

Заводы, изготавливающие сугубо мирную продукцию, переходили на военные рельсы, наши металлурги осваивали специальные марки стали, мне приходилось связываться с наркоматами, вылетать в Москву, бесконечно ездить по области. Выходных мы не знали, в семье я бывал урывками, помню, что и в ночь на 22 июня 1941 года допоздна засиделся в обкоме, а потом еще выехал на военный аэродром, который мы строили под Днепротропетровском. Этот стратегически важный объект был на контроле в ЦК, работы шли днем и ночью, только под утро я смог вернуться со строительной площадки.

Подъехав к дому, увидел, что у подъезда стоит машина К. С. Грушевого, который замещал в то время первого секретаря обкома. Я сразу понял: что-то случилось. Горел свет в его окнах, и это было видно в свете заигнавшейся зари. Он выгладил, сделал мне знак подняться, и я, еще идя по лестнице, почувствовал что-то неладное и все-таки вздрогнул, услышав: «Война!» Вот в эту минуту, как коммунист, я твердо и бесповоротно решил, где мне надлежит быть. Обратился в ЦК с просьбой направить меня на фронт — и в тот же день мой просьба была удовлетворена: меня направили в распоряжение штаба Южного фронта.

Я благодарен Центральному Комитету нашей партии за то, что одобрено было мое стремление быть в действующей армии с первых дней войны. Благодарен за то, что в 1943 году, когда часть нашей территории была освобождена, посетил меня в числе партийных работников-фронтовиков, направляемых на руководящую работу в тыл. Благодарен и за то, что в 1944 году была удовлетворена просьба не назначать на более высокий пост, который отдал бы меня от непосредственных боевых действий, а оставить до конца войны в 18-й десантной армии. Мною руководило одно чувство — защитить нашу землю, быть врагу везде и повсюду, дойти до конца, до полной победы. Только так можно было вернуть мир на земле.

С 18-й армией связана моя фронтовая жизнь, и она навсегда сделалась для меня родной. В рядах 18-й я сражался в горах Кавказа в момент, когда там решались судьбы Родины, воевал на полях Украины, одолевая карпатские хребты, участвовал в освобождении Польши и Румынии, Венгрии, Чехословакии. С этой армией был и на Малой земле, роль которой в освобождении Новороссийска и всего Таманского полуострова значительна.

Бывает, попадет человек в такие обстоятельства, когда за год увидит, узнает, почувствует столько, чего в иное время не вместишь и целая жизнь. Насыщенность событий на этом плацдарме была так велика, а бои столь жестоки и непрерывны, что, казалось, шли они не 255 дней, а целую вечность. И это все мы пережили.

В географическом смысле Малая земля не существует. Чтобы понять дальнейшее, надо ясно представить себе этот каменный клочок суши, принятый к воде. Протяженность его по фронту была шесть километров, глубина — всего четыре с половиной километра, и эту землю во что бы то ни стало мы должны были удерживать.

Как появился плацдарм? Новороссийск расположен на берегах Цемесской бухты, которая глубоко врезается в горы. Там два цементных завода — «Пролетарий» и «Октябрь». С одной стороны были мы, а с другой — немцы. К началу 1943 года левый берег весь был у противника, с высот он контролировал движение нашего флота, и надо было этого преимущества его лишить. Вот и родился мысль: давайте попробуем высалить десант и захватить предместье Новороссийска. Это не только надежнее прикрывало бы бухту от проникновения врага в ее воды, но и облегчило бы нам все последующие бои.

Гитлеровцы хорошо это понимали. Цифрами я стараюсь не злоупотреблять, но одну сейчас приведу. По плацдарму, когда мы заняли его, фашисты были беспрепятственно обрушили гигантское количество снарядов и бомб, не говоря уж об автоматном-пулеметном огне. И подсчитано, что это смертоносного металла на каждого защитника Малой земли приходилось по 1250 килограммов.

На плацдарме сражались почти две трети 18-й десантной армии, и большую часть своего времени я проводил на Малой земле. Так что и на мою долю из тех килограммов смертоносного металла тоже кое-что предназначалось.

Думается, что десант на Малую землю и бои на ней могут служить образцом военного искусства. Мы тщательно подбирали людей, специально готовили их. На Тонком мысу в Геленджике тренировали штурмовые группы, учили их прыгать в воду с пулеметами, взбираться по скалам, бро-

сать гранаты из неудобных положений. Бойцы освоили все виды трофейного оружия, научились метать ножи и бить прикладами, перевязывать раны и останавливать кровь. Запоминали условные сигналы, находились с завязанными глазами зарядить диски автоматов, по звуку выстрелов определять, откуда ведется огонь. Без этой выучки дерзкий десант и особенно самая первая ночная схватка были немислыми — все предстояло делать в темноте, на ощупь.

В первую группу, названную отрядом особого назначения, брали только добровольцев. И только тех, кто уже проявил героизм. Командиром десанта назначили майора Ц. П. Кунникова. На его умного и сильного человека я обратил внимание еще в предыдущих сражениях, когда он командовал батальоном морской пехоты. Заместителем по политчасти шел старший лейтенант Н. В. Старшинов, а начальником штаба — майор Ф. Е. Котанов, тоже хорошо показавшие себя в боевых делах. Все трое получили впоследствии звание Героя Советского Союза. Кунников — посмертно (он погиб на четвертый день после высадки), а Старшинов и Котанов — в боях, которые были уже после Малой земли.

При формировании отряда им предоставили право отбирать людей из любых частей Новороссийской военно-морской базы. Право, конечно, исключительное, но продиктованное необходимостью. Мы понимали, что в таком десанте слишком велика роль буквально каждого бойца. Так собрано было пять штурмовых групп, объединенных в отряд численностью в 250 человек. В тяжелейшем испытании им предстояло быть впереди, и они выполнили свой долг.

В 1974 году в Новороссийском музее я обратил внимание на примечательный документ. Это был рапорт старшего лейтенанта В. А. Ботылева, вышедшего на плацдарм в ту же ночь, что и Кунников. Он писал: «Должно, что в первой штурмовой группе убитых — 1 человек, раненых — 7 человек. Из них кандидатов ВКП(б) убитых — 1 человек, кандидатов ВКП(б) раненых — 4 человека, комсомольцев раненых — 2 человека, беспартийных раненых — 1 человек. Первая боевая задача, поставленная командованием, выполнена. Политико-моральное состояние группы высокое».

Здесь уместно будет вспомнить, что на фронте Великой Отечественной войны пали смертью храбрых три миллиона коммунистов. И пять миллионов советских патриотов пополнили ряды партии в годы войны! «Хочу идти в бой коммунистом!» — эти ставшие легендарными слова я слышал едва ли не перед каждым сражением, и тем чаще, чем тяжелее были бои. Какие льготы мог получить человек, какие права могла предоставить ему партия накануне смертельной схватки? Только одну привилегию, только одно право, только одну обязанность — первым подняться в атаку, первым рвануться навстречу огню.

Перед высадкой отряд принял клятву. Коммунист Кунников построил всех на небольшой площадке, еще раз напомнил, что операция будет смертельно опасной, и предупредил: кто считает, что не выдержит испытаний, может в десант не идти. Он не подал команды, чтобы эти люди сделали, скажем, три шага вперед. Шаля их самолюбие, сказал.

— Ровно через десять минут прошу снова построиться. Тем, кто не уверен в себе, в строй не становиться. Они будут отправлены в свои части как прошедшие курс учебы.

Когда отряд построился, мы недосчитались всего лишь двух человек. Торжественную клятву, принятую перед выходом в море, и сейчас, спустя десятилетия, нельзя читать без волнения. «Идя в бой», говорилось в ней, «мы даем клятву Родине в том, что будем действовать стремительно и смело, не щадя своей жизни ради победы над врагом. Волю свою, силы свои и кровь свою каляя за калейки мы отдадим за счастье нашего народа, за тебя, горячо любимая Родина... Нашим законом есть и будет только движение вперед!»

Мысленно возвращаясь к тем штурмовым дням, вспоминаю суровую клятву, я всегда испытываю душевное волнение и гордость. История знает немало героических подвигов одиночек, но только в нашей великой стране, только ведомые нашей великой партией, советские люди доказали, что они способны на массовый героизм.

Итак, наступила ночь высадки десанта. Хорошо помню настроение, царившее на пристани. Я не видел ни одного хмурого лица, лица были скорее веселые, на них читалось нетерпение. Моряки бегом тащили ящики и кричали: «Полудра!» Я, помню, спросил у одного:

— Что такое полудра?

Оказалось, «бергерис». Так я узнал значение этого слова.

Ночь с 3 на 4 февраля 1943 года была очень темная. Тихо вышли катера с десантниками из Геленджика к Цемесской бухте. Оттуда, из пункта развертывания, они по сигнальным ракетам устремились к берегу. Одновременно по береговой полосе, заране пристрелянной, ударила наша артиллерия. В грохот взрывов ворвались огненные залпы «катюш» (впервые в практике войны на трагические «Скумбрия» была смонтирована реактивная установка). Два торпедных катера на большой скорости пересекли путь десантным судам, оставив дымовую завесу, чтобы скрыть их от огня с берега. Сторжевой катер ударил по району рыбозавода, полавляя огневые точки противника, оставшиеся после артиллерии. В момент, когда кунниковцы бросились на берег, наши батареи перенесли огонь в глубину.

На войне не все идет по плану. Часто бои разворачиваются не совсем так, а иногда и совсем не так, как рисовалось на штабных картах. И тогда истинные бесценны становятся отвага, преданность, инициатива каждого командира и политработника, каждого солдата и матроса. Военные историки

знают, что была попытка захватить плацдарм в другом месте — за тридцать километров отсюда, в районе Южной Оверейки. Это место было бы идеальным для десанта, но поплашал шторм, задержавший выход судов, позже прибыли на исходные рубежи и сухопутные части. А прорыв ункновцев, неожиданный для врага, увенчался полным успехом, чем мы мгновенно и воспользовались.

Демонстрационный десант был превращен во вспомогательный, а затем стал основным. С него и началась своя Малая земля. Пробившись сквозь огневую завесу, наш штурмовой отряд успел занять совсем еще небольшой, но очень важный участок берега района предместья Новороссийска — Станицки. Уничтожены были четыре трофейных орудия, которые тотчас открыли огонь по врагу. Спустила полтора часа здесь высалился вторая группа десантников, затем еще одна, число их выросло уже до 800 человек.

К месту высадки противник перебросил новые части, вела бомбежки фашистская авиация, начала бить по плацдарму глекая артиллерия, одна за другой шли отчаянные контратаки. Но было уже поздно: десантники успели надежно закрепиться. Они заняли несколько кварталов Станицки и железной дорогой на протяжении трех километров. И хотя потери понесли немалые, но не отошли ни на шаг. Солдаты и матросы верны были клятве, они знали, что надо продержаться до подхода главных сил, в них ошушался еще веселый азарт от удачного десанта — такими я запомнил этих людей.

За несколько ночей на плацдарме высались две бригады морской пехоты, стрелковая бригада, истребительно-противотанковый полк и другие части. На берег были выгружены сотни тонн боеприпасов и продовольствия. Спустилась пять дней в районе Станицки и Мысхако уже находилось 17 тысяч бойцов с автоматами, минометами, орудиями, противотанковыми пушками. Затем на Малую землю высались пять партизанских отрядов — «За Родину», «Гроза», «Нордост», «Новый» и «Астребок».

Пользуясь случаем, хочу сказать доброе слово о партизанах. Если у кого-либо есть представление о них как о неких обособленных группах в тылу врага, то это представление ошибочно. Многие отряды возникали стихийно, но они имели руководимый партией Центральный штаб и, бывало, проводили крупные операции в полном соответствии с замыслами командования регулярных частей. Так было и отрядами руководил секретарь Новороссийского горкома партии П. И. Васев, тесно связанный с нашим штабом.

А в общем, повторю еще раз, десант на Малую землю может быть признан образцом военного искусства. Успех высадки первого штурмового отряда, оперативное наращивание сил, продвижение полков и корпусов по сильно укрепленному, минированному берегу — все это требовало четкого взаимодействия пехоты, саперных частей, моряков, артиллеристов. Ни малейшей оплошности не могли допустить «боги войны»: во многих местах наши части сошлись с вражескими чуть ли не до расстояния броска гранаты. Еще сложнее было летчикам. Помню, вылетали налетами нашей авиации бойцы выжили, на бруствер окопов вносили рубяки, чтобы очертить свои передний край.

Надо сказать, мы находились в крайне невыгодном географическом положении. У нас была узкая полоса берега — длинная, голая и ровная, а у немцев — все высоты, лес. Может возникнуть вопрос: как же могли оставаться в живых люди, если на них обрушивались сотни тонн смертоносного металла, если силы противника во много раз превышали наши, если с окружающим нас враг видел Малую землю как на ладони? Всеми этому противостояли опыт, хладнокровие, расчет и каждодневный труд.

В ту пору я хорошо понял, что война — это, кроме всего, еще и истинный труд. Труд вечерних металлургов, слесарей, шахтеров, земледельцев, комбайнеров, конюхов, строителей, плотников. Труд народа, надевшего солдатскую шинель. Проявления не только преданности и отваги, но и великой выдержки, упорства, умения, сноровки.

По сути, вся Малая земля превратилась в подземную крепость. 230 надежно укрытых наблюдательных пунктов стали ее глазами, 500 отведенных укрытий — ее бронированными кулаками, открыты были десятки километров ходов сообщения, тысячи стрелковых ячеек, окопов, шелей. Нужда заставляла пробивать шtolны в скальном грунте, строить подземные склады боеприпасов, подземные госпитали, подземную электростанцию. Нужда заставляла ходить только по траншеям, это нелегко, но чуть высушеешься — и конец. Все сидело подолгу, и потом, когда фашисты стали отступать, у некоторых бойцов появилась, как мы называли ее, «сидячая болезнь».

Инженерные войска проявляли удивительную изобретательность. Воронки от взрывов, иные из которых скорее назывались котлованами, саперы соединяли траншеями и превращали в блиндажи. На узком пятачке Малой земли были созданы три линии обороны, отстоявшие одна от другой на километр. Вдоль каждой — минные поля. Надежно действовали подземные линии связи. Командный пункт десанта, врезанный в скалу на глубине шести с половиной метров, мог скрытно, по ходам сообщения, перебрасывать войска туда, где создавалось угрожающее положение.

В районе Станицки нейтральной полосы у нас фактически не было: противник находился в пятидесяти — двадцати метрах от наших позиций. Однако, приходя туда, я видел, что на этом участке передний край — край постоянной тревоги и опасности — был густо заминирован в оплетке заграждениями. В ходе работ саперам приходилось иной раз вступать в рукопашные схватки.

Укрепленный плацдарм стал своеобразным городом-крепостью. Появились даже улицы — Госпитальная, Саперная, Пехотная, Матросская. На них не было ни одного дома, неизвестно, кто придумал эти названия, но солдата и матроса, Военные историки

Саперная — это овраг, защищенный от огня, а Госпитальная — бугристая местность, названная простреливаемой, откуда люди часто попадали в госпиталь. Укрепления строились под огнем, не было ни механизмов, ни строительных материалов, но зарывались наши умельцы с толком, обживали землю основательно, по-хозяйски — так, чтобы отсюда не уйти. Каждого, кто соорудил эту крепость, можно назвать героем.

С особой теплотой я вспоминаю немалодушных саперов. Их не посылали савить на виду у врага минные заграждения, «старички» занимались, казалось бы, самым мирным делом: в нескольких километрах от Геленджика, близ Джанхота, рубили лес, валили его в плоты и по ночам доставляли на Малую землю. Но как доставляли! Темных ночей над Цемесской бухтой, как уже сказано, мы никогда не видели. По безоружному плоту начинала бить артиллерия. Ни ответить на огонь, ни маневрировать своим неповоротливым грузом саперы не могли. Они сползали в холодную воду и, держась за бревна, продолжали свой путь. Если в плот попал снаряд, то на плаву они опять стягивали его, только бы не растерять драгоценный лес. Если тонул бусик, давали ракетам условный сигнал и ждали, пока подойдет какой-нибудь мотобот. Вот какими были эти «старички».

У читателя может создаться впечатление, будто тысячи людей на плацдарме жили только атаками, бомбежками, рукопашными схватками. Нет, за долгое время тут утвердилась жизнь, в которой было место всему, чем обычно живет человек. Читали и выпускали газеты, проводили партийные собрания, справляли праздники, слушали лекции. Затеяли даже шахматный турнир. Выступали армейский и флотский ансамбли песни и пляски, работали художники Б. Прокопов, В. Цигаль, П. Кирпичев, создавшие большую галерею героев обороны.

Помню, приехала к нам бригада ЦК. Люди первый раз попали в наши условия и попросили меня познать их в общинах Малой земли. Вышли в тот раз на торпедном катере. Как только двинулись, наши дали ракету. Это сигнал: свои или чужие. А немцы, когда мы подходили к месту, падали непрерывно. Орудия у них навесные, и потому важно было прижаться к берегу, пройти по краю. Слова врываются снаряды, совсем близко от нас. Если не знать, что метят в тебя, красота необыкновенная. На плацдарме стояла похолод и на Парь-колокол дальнотбойная морская батарея. Ее малоземельные препратили в командный пункт. Пришлось нам под обстрелом пробираться туда, я уж поправился, а для гостей впечатление было, думаю, сильное. Запомнил вынырнувший из темноты морячок, который нес какой-то груз.

— Помогите немного, братишка, — попросил он. — Для всех нас.

Когда теперь, треть века спустя, вспоминаешь о том, что выпало на долю бойцов, командиров, политработников нашей армии, даже не верится порой, что это все было, что это можно было выдержать. Однако выдержали. Все выдержали, через все прошли и победили, разгромили фашистов.

В тот день, привезя на Малую землю свежих людей, которые приехали к нам из Москвы, я как бы и сам взглянул на привычное и знакомое другими глазами. Видел все это и раньше, а тут я и встал — и постоянно смертельную опасность, и невыносимые трудности, и беззаветный героизм наших воинов.

Бывало, конечно, очень тяжело. Мы были отрезаны от Большой земли, у нас не хватало соли, случались перебои с хлебом. Целые подразделения посылали в лес собирать дикий чеснок. С другой стороны, было сыро в этих катакомбах, по ночам бойцы мерзли, и работникам политотдела пришлось заботиться об оттопления, заказывать буржуйки, собирать дрова. И все равно Малая земля оставалась советской землей, а люди оставались людьми. Они строили планы, шутили, смеялись, отменяли даже дни рождения. Например, 15 февраля, то есть на одиннадцатый день после первой высадки, одному из десантников, Шавле Татаршвили, исполнилось 23 года. Это был неразлучный друг Петр Верещагина подарил ему 23 патрона из своего джара. Это был самый дорогой подарок, потому что патронов не хватало, а ожидалась очередная атака врага.

Многое в этой жизни рядом со смертью было на первый взгляд несовместимо с войной. Как-то начальник политотдела 255-й бригады морской пехоты И. Дорощев насчитал в бригаде пятнадцать депутатов городских, районных в сельских Советов. Решили созвать сессию. Какие же проблемы они могли решать? Да те же, что и в мирные дни: нужды населения, бытовые обслуживания. Первый был у них решен вопрос о строительстве бани. И построили! Как говорится, в нерабочее время соорудили отличную баню. И меня как-то туда сводили. Парная хоть и небольшая, но пар держала хорошо.

Очень ценились на Малой земле находчивость, выдумка, остроумие. И людей, способных на это, было немало. Помню, как один расторопный парень, посланный по каким-то делам в Геленджик, обнаружил в горах бродающую бездомную корову. И решил оставить ее на Малую землю. Пригнал корову на пристань и просят командира бота принять ее на борт. Все вокруг смеется, но идею поддерживает: раненым будет много. Так невредимой и доставили. Поместили в надежное укрытие, молоко давали в госпиталь, находившийся в подвале бывшего винного совхоза.

Дело, однако, не в молоке. Корову приносила большую радость людям, особенно пришедшим на войну из села. После каждого артобстрела или бомбежки бойцы прибегали узнать, цела ли буренка, не порвана ли, да-сново поглаживали корову. Не просто объяснять все это, но появление сугубо мирного существа в обстановке огромного напряжения помогало людям поддерживать душевное равновесие. Напоминало: все радости человека вернутся, жизнь продолжится, надо только суметь отстоять эту жизнь.

(Продолжение на 3-й стр.)

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ

(Продолжение. Начало на 2-й стр.)

Хороший подарок малоземельцам был преподнесен в честь 1 мая 1943 года. Когда рассвело, люди ахнули и заулыбались от радости. Ночью в разных местах расположения бригады бойцы водрузили красивые знамена. Утром их увидели все, в том числе, конечно, и немцы.

И поначалу такое потрясающее впечатление во времена черно-белого кино произвело появление на экране красного флага в кинофильме «Броносен» («Потемкин»). Здесь же, на Малой земле, изрытой бомбами и снарядами, усеянной осколками, пропеченной и окровавленной, в окружении врага, водруженные знамена буквально ошеломляли. Гул возмущенных голосов прокатился над этой истерзанной землей. Что-то очень дорогое лично каждому опутали люди.

После первого порыва волнения всех охватило веселье. Смысли от радости, от сознания своей силы: «Смутья, проклятый фашист! Нака, выкуси!»

Апрельские бои, последовавшие за памятной переправой, когда мне пришлось искупаться в воде, были самыми жестокими на Малой земле. О них я сейчас рассказываю.

Подготовленная фашистами операция «Ненуту» должна была, по их замыслам, полностью покончить с нашим плацдармом. Специально для этого создавалась ударная группа войск Веттеля численностью до 27 тысяч человек, действующей ей предстояло при поддержке 1 200 самолетов, сотен орудий и минометов. Планировалась и операция с моря под не менее выразительным названием «Бокс». В группу «Бокс» были включены флотилии торпедных катеров и подводные лодки. На них возлагалась обязанность перерезать наши морские коммуникации и уничтожать советские войска после того, как они будут сброшены в море. Так это все им представлялось.

Бои на Малой земле, начавшиеся 17 апреля, развивались с нарастающей силой. Каждый день противник вводил пополнение. Рано утром начинали бить его тяжелые батареи. Одновременно в небе появлялись самолеты. Они буквально висели над нами, сбрасывая бомбы на всю глубину обороны и по всему фронту. Вслед за скоростными бомбардировщиками двигались пикирующие — тоже войскам, затем штурмовики. Все это дли-

лось часами, после чего начинались атаки танков и пехоты.

Атакующие фашисты самоуверенно, считая, что в сплошном дыму, захваченном Малую землю, ничего живого не осталось уже не могло. Но их атаки наталкивались на яростное сопротивление, и они откатывались назад, оставляя сотни и сотни трупов. Тогда все начиналось сначала. Снова били тяжелые батареи, снова завывали пикировщики, свистели штурмовики. Так повторялось по нескольку раз в день.

Бомбардировочная и штурмовая авиация прикрывалась истребителями. В связи с большим превосходством противника в воздухе наши истребители хотя и наносили ему урон, но бомбовых ударов остановить не могли. Советские бомбардировщики над позициями врага не появлялись, что давало ему возможность производить перегруппировки и готовиться к атакам. Так продолжалось три дня, до 20 апреля. Это был срок, в который немецко-фашистское командование намечало окончательный разгром Малой земли.

Решились сбросить нас в море, Гитлер на этом участке фронта поставил на карту все. Создавалось тяжелое положение. Тогда Военный совет 18-й армии, в частности я, написал письмо-обращение к малоземельцам. Оно пошло по окопам и блиндажам. Люди раздали руки и расплылись на нем кровью. Один экземпляр я послал тоже И. В. Сталину, чтобы он понял, как дерутся бойцы.

«Отвоинный нами у врага клочок земли под городом Новороссийском», говорилось в письме, — мы назвали «Малой землей». Она хоть и мала, но она наша, советская, она полита нашим потом, нашей кровью, и мы ее никогда и ни за что врагу не отдадим... Имением своими боевыми знаменами, именем наших жен и детей, именем нашей любимой Родины, каждый выстоять в предстоящих схватках с врагом, перемолоть его силы и очистить Тамань от фашистских мерзавцев. Превратим Малую землю в большую могилу для гитлеровцев!»

В первый день фашистского наступления мы получили категоричное указание Ставки Верховного Главнокомандования — любой ценой удерживать плацдарм. Видя в этом ключ к освобождению Таманского

полуострова, Ставка придавала ему большое значение и внимательно следила за ходом боев.

18 апреля в штаб Северо-Кавказского фронта, который командовал генерал-полковник И. Е. Петров, вылетела группа представителей Ставки во главе с маршалом Г. К. Жуковым. В тот же день вместе с наркомом Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецовым и командующим ВВС А. А. Новиковым они приехали в штаб 18-й десантной. Об этом мне сообщил один из штабных полковников, прибывших на Малую землю, и добавил:

— Маршал хотел вас видеть. — Это что, приказ? — спросил я. — Приказа такого от него я не получил, — ответил полковник. — Но он сказал, что хотел бы с вами поговорить.

Откровенно сказать, и мне хотелось поговорить: всех нас очень беспокоило превосходство противника в воздухе. Свою точку зрения на этот счет я еще в первый день немецких атак высказал нашему командующему Константину Николаевичу Леселядзе. Настоячиво просил поддержки авиации. Говорил об этом и с членом Военного Совета Семеном Ефимовичем Колодиным, к которому отнесся всегда с уважением. Оба были смелыми, принципиальными, опытными людьми, оба согласились со мной, и я посчитал, что Жукову о положении с авиацией они, конечно, доложат. Мне же лучше в тяжелый момент не подходить к плацдарму. Так я и поступил: остался с бойцами на Малой земле.

Как писал потом в своих мемуарах Г. К. Жуков: «Всех нас тогда беспокоил один вопрос, выдержат ли советские войска испытания, вышедшие на их долю в неравной борьбе с врагом, который день и ночь наносил воздушные удары и вел артиллерийский обстрел по защитникам плацдарма». Далее маршал писал, что именно об этом он хотел знать мою точку зрения. Выдержат ли наши войска такой ад хотя бы еще два-три дня, потому что Ставка уже приняла серьезные меры, чтобы помочь нам.

И действительно через два дня картина резко изменилась. Один за другим прибыли три авианосца из резерва Ставки. По мере подхода они вступали в бой. Прежде всего красные звездные истребители заняли небо

над Малой землей. Густо обрушились бомбы на вражеские боевые порядки. Теперь бои шли при равных силах в воздухе, а затем превосходство перешло к нам, поскольку летчикам удалось разбомбить несколько аэродромов противника.

Трудно мне передать, что творилось в небе. Куда ни глянешь, то в одиночку, то звеньями сходились в смертельных петлях наши и немецкие самолеты. Черные шлейфы сбитых машин, пересекая друг друга, тянулись к земле. За три дня боев наши летчики сбили над Малой землей 117 вражеских самолетов. Об этих яростных схватках подробно рассказав в своей книге их участник А. И. Покрышкин.

На нашем плацдарме ренессанс удачи Новороссийска и Тамани, и немецко-фашистское командование бросало на передовые все новые и новые части. Восемь дней и ночей как в кошмаре блился малоземельцам, пока не иссякли силы врага, пока оставшиеся вражеские силы не уползли на свои исходные позиции. Но кульминационный момент сражения наступил 20 апреля 1943 года, и как ни странно, день этот связан для меня с одним забавным воспоминанием.

Был у нас начальником полконтрбата в 225-й бригаде морской пехоты М. К. Видов, воевал он умело, лихо, обладал большой силой воздействия на бойцов, а на упрек командира, что бы зря не рисковал собой, отвечал: «Я комиссар, а не моряк курчал!» Так вот в ночь на 20-е Михаил Капитонович собрал политработников, подвел итоги боев, а потом спросил, знают ли они, почему так остервенело ругают фашисты. Потому, ответил, что у них завтра именины фюрера. Хотя и покочинил с нами, чтобы поднести ему подарок. Хорошо бы, мол, и нам отметить эту дату.

Пока обсуждали разные предложения, тогда еще мало известный художник Борис Пророков набросал рисунок, всеми тут же одобренный. Ночью он изобразил на простыне свиноподобное чудовище, убегающее с Кавказа. У свины были все знакомые ушки и челки — карикатура на Гитлера получилась отменная. Простыню укрепили на раму и установили в заранее пристреленном месте нейтральной полосы, надежно закрепив косяками.

Утром 20 апреля со всех окрестных гор, со всех своих позиций гитлеровцы увидели это поздравление. Как и предполагалось, стрелять в своего фюрера немцы не решились. Прошло немало времени, пока они, как видно, согласовывали, что им делать. Наконец к раме с трех сторон подошли фашисты. Но место-то пристреляно: половина их полегла, остальные уорались в окопы. Так повторялось трижды за этот день, пока по «именинному подарку» не уарила их артиллерия.

— Так еро! Бей еро! — хохотали бойцы.

Смех — грозная сила, свидетельствует оптимизма, признан душевного здоровья людей. После того, как была отбита атака на одном из участков, я шел по траншее с Дорофеевым. И опытный рядом с огневой ячейкой мы услышали смех. Подошли: оказалось, там проводил беседу молодой лейтенант-агитатор.

— Подвели итоги боя, товарищ полковник, — доложил он. — И какие же итоги? — Струившиеся вокруг пулемета бойцы стали серганта подталкивать: раскраски, раскраски. Тот был смущен, но под напором товарищей осмелев.

— Гитлер хвастался, что сегодня сбросит нас в море. Нашей украинской байкой я и сказал, чего он добился. Пошел на охоту, убил медведя, ободрал лисицу, принес домой зайца, мать зарезала утку и сварила кисель. Попробовал, а он горький.

Вместе с солдатами я с удовольствием слушал веселого парня. Его мудреная байка, пожалуй, значила в тот момент больше и действовала крепче, чем самый серьезный разбор военных действий. Это было тем более важно, что день, повторяю, выдался самым тяжелым из всех пережитых нами на Малой земле.

Являлись новые цепи, их истребляли, но снова и снова возникали серозеленые силуэты. И неудивительно, что в одну из атак у бойца 8-й гвардейской стрелковой бригады вырвалось: «Да что они, из земли растут?»

У гитлеровцев было в тот день изрядное преимущество в силах, мы несли большие потери, и не раз у меня мелькала мысль: сколько же ляжет на этой земле наших ребят и сколько их не вернется домой. Вопрос о жалости на войне — сложный вопрос. Война дело жестокое, и смерти на ней неизбежны. Тут вожаешь кого-то, значит, посылай воевать не в одну из атак у бойца 8-й гвардейской стрелковой бригады вырвалось: «Да что они, из земли растут?»

«Постоянно проявляйте заботу о сохранении сил и здоровья бойцов. Бесперебойное обеспечение солдат горячей пищей и кипятком должно быть нерушимым правилом. Надо обеспечить строжайший контроль за тем, чтобы все, что государство отпускает для бойцов и офицеров, доходило бы до них полностью. Беспечных и бездельных в этом отношении людей нужно привлекать к суровой ответственности. Исключительное внимание должно быть уделено работе санитарных учреждений. Политотделам соединений надлежит выделить специальных работников, отвечающих за эвакуацию раненых с поля боя и оказание им своевременной медицинской помощи».

И сегодня, спустя многие годы после сражений, среди множества дел мы обязаны постоянно помнить о тех, кто прошел войну. Окружать их заботами и вниманием, помогать им в житейских делах — это моральный долг органов власти, всех граждан, это закон нашей жизни.

(Окончание следует. «Советская Россия», 4 февраля с. г.)

КРАЙ, ДОСТОЙНЫЙ ПЕСЕН

В Барнауле открывается юбилейная выставка члена Союза художников СССР Геннадия БОРУНОВА

ЧЕЛОВЕК С ЭТУДНИКОМ стоит на живые, почти прямо на него движется прохладная махина комбайна. Тяжелая, плотная пыль, дым, рев дизеля. Композиция и колорит передают предельное напряжение момента. «Битва за хлеб» — тождество не выражает сути происходящего. Художник здесь перед нами, здесь его мастерская, здесь его лаборатория.

Эта картина-автопортрет вполне могла бы стать эпиграфом всей персональной выставки Геннадия Борунова, открывающейся в зале Союза художников по случаю 50-летия автора.

В экспозиции немало, быть может, и более интересных и сложных работ, но без этого своеобразного полотна представление о самой сути творчества художника было бы неполным. Нужна известная омерзительность, чтобы написать подобный автопортрет так, а не иначе. Но те, кто знаком с творчеством этого известного алтайского живописца, несомненно, будут удивлены в своем мнении: художник имеет на это полное моральное право.

Удивительно красива дорога в Барнауле в Павловск. Хороша она и зимой, и летом, и во всякую пору. Попадаешь туда — праздник. Летят навстречу всевозможные березовые колки, свершают изумрудный оазисный клин, долго ходит и тешится до самого горизонта колочее живые, встает на пути сосновый бор, и неожиданно, вдруг перед взором открывается это большое сибирское село.

Обширная, красивая земля. Прямая ничем не обделена эти места. Хорошо на такой земле родиться, называть ее своим домом, черпать из нее и возвращать ей свои силы. Здесь и родился Геннадий Борунов, с этими местами связана вся его судьба. Тема земли, труда, крестьянская тема — главные в его творчестве. Здесь не возмущен, наскоком, экспромтом, бойким репортажным приемом. Большое требует большого. Все, кто знаком с творче-

ством Борунова, согласятся, что для него не существует особой проблемы сюжета, проблемы поиска героя, чаще бывает наоборот: художник просто не успевает написать всех своих героев, реализовать все планы, которые ему подсказывает жизнь.

Герои Борунова — сплошь да рядом знаменитые, близкие художнику люди: писатели и учителя, колхозники из Едунина, ветеран войны, комбайнер и доярка Маля, паромщик и колхозная парка — типы эти, истинно народные, алтайские, смотрят на вас с полнотой без всякой вычужденности и надрывности, даже несколько испуганно.

И, хотя изображает он своих современников вполне современными средствами, есть в них что-то эпитическое. Тяжелые натруженные руки, промасленные рубахи, широкоглазые, уверенные глаза («Мои земляки», «Земля родная», «Хлебороб», «Отец»).

Боевая тема в творчестве Г. Борунова, но она существует, ибо просто не смог бы обойти он этой теме потому, что из несли слова не выкинешь, и говорит он об этом с позиций человека, всею жизнью своей утверждающего высший смысл Трудя, трудя, в первую очередь, крестьянского. Именно так воспринимается его картина «Делектор на Оби. 1942 год. Хлеб — фронт». И именно таким настроением восхищения и гордости за человека, вышедшего из народа, ставшего Героем Советского Союза, боевым генералом, исполнен портрет «Сибирский богатырь Нестор Колян».

Если в портрете, в картине почти всегда чувствуется нечто замаскированное, боруновский малок и уже по фрагменту можно угадать его руку, темперамент, но пейзажи его до удивления непохожи один на другой. Очень они разные по стилю, по задачам, по мимолетности ощущения или жесткой последовательности раскрытия главного. И все же главной привязанностью Г. Борунова — жанровая композиция. Не каждому

делу это становится удачей, сделать настоящую картину, взять кусок клоуна, бесконечно многообразной жизни и силой своего воображения задержать одно неповторимое мгновение, оставив для себя и для других его как хроникально и одновременно поэтически увиденную прелесть эпохи, прелесть своего времени.

В произведениях «Мои земляки», «Председатель», «Автопортрет» и «Красный трактор» художник выступает перед нами в своей творческой зрелости, новым сложном качестве. Прелесть времени в «Председателе» видна во всем. И дело, наверное, не в том, что герой картины лишен традиционных для колхозного руководителя мимических лет внешних атрибутов, одет он вполне современно. Перед нами руководитель нового типа, высокообразованный специалист, крепкий человек, человек на своем месте, а вокруг него люди, которых не нужно заставлять, это соратники, болеющие душой за свое дело, помогающие друг другу с волеусловием. Картина «Председатель» является одним из значительнейших произведений минувшей юбилейной выставки «Сибирь социалистическая».

Создание такого полотна было бы невозможно без предшествующей картины «Мои земляки», также имеющей высокое общественное признание. В этом полотне, перенесшем нас на 15—20 лет назад, запечатлена группа трактористов в поле, уточняющих последние детали предстоящей пахоты перед тем, как сесть за рычажки своих мощных машин.

Последняя боруновская работа «Красный трактор» отмечена печальной посылкой истории, оцепенения связей времен и значительности перемены колхозной жизни. Зритель видит на полотне картину алтайской деревенской жизни периода коллективизации. Художник ставит себе эффективной задачей показать первую встречу с трактором, ликование и восхищение. Его герои с большим вниманием слушают боль-

шеского механика, крестьянским крестьянским умом прищипывая силу и возможности новой техники. Три последние картины, как три главы большого и сложного романа, повествуют о судьбах алтайского, сибирского крестьянства, явно требуют продолжения и развития. Все говорит о том, что художнику под силу написать новые страны.

Сегодня художнику 50 лет. Можно оглянуться назад, вспомнить удачу и промахи, вспомнить прошлое. В отроках воспоминаний — школа в Павловске, любимые уроки рисования, долгие зимние годы, время ожидания, время надежд и тяжелого мальчишеского труда, радость победы, возвращение с фронта отпа, Федора Георгиевича, человека, беззаветно любящего искусство. Он по своему определит будущую профессию. Наверное, сохранялась некая, символическая благодарность к матери, Марине Ивановне, зарывшей в душу любовь к красоте, как никто другой умевшей любить и поддерживать ее в сыне.

Последние годы... Тогда было особенно везло, удавались солдатские ботинки, фанерный атодиск, потерявший шпиль молодого студента из Сибири. Успешное окончание Московского театрально-декорационного и Ленинградского художественного училища, сбывшаяся заветная мечта — учеба в стенах института имени Репина Академии художеств СССР, теплые воспоминания художника о редких, но удивительно впечатляющих по наглядности и убедительности уроках высшего художественного профессионального мастерства народного художника СССР Б. В. Иогансона, под чьим руководством он учился и в 1959 году писал свою дипломную работу «Хлебороб».

Можно с уверенностью сказать, что художник нашел свое место, свою дорогу. Дорога эта не всегда легкая, но она всегда прямая и открытая.

ТАСС СООБЩАЕТ

ЭНЕРГИЯ НАРЫНА

КАРА-КУЛЬ (Киргизская ССР. (Корр. ТАСС А. Масленников). Под промышленную шарку поставлен один из четырех агрегатов Токтогульской ГЭС. Его электроэнергия по высоковольтной ЛЭП-500 Кара-Куль — Анджан поступает в объединенную энергосистему Средней Азии. Ныне по течению Нарына сила освобожденного потока посылит еще раз — Уч-Курганской ГЭС.

Токтогульская ГЭС была введена три года назад. Однако из-за небольшого количества она не выработала электроэнергии — накопленная вода была отпущена хлопковым полям. Сейчас за плотинной станцией собрано более трех миллиардов кубометров воды, что позволило ввести

один агрегат. Готовы к пуску и остальные гидроагрегаты мощностью по триста тысяч киловатт. Они будут вступать в строй по мере наполнения водохранилища.

Токтогульская ГЭС, сооруженная в глубоком каньоне, стала своеобразным плацдармом для возведения следующей станции Нарынского каскада. Ее создатели впервые в стране применили инновационный последний способ укладки бетона, введя при этом способ сварки крупных металлических конструкций. Специально для этой высокогорной гидроэлектростанции в объединенном «Ленинградском металлургическом заводе» были изготовлены самые большие в мире (для

АВТОГРАФЫ СВАРЩИКА САФАРОВА

БАКУ. (Корр. ТАСС В. Васин). Альбом выпущен издательством в Бакинском машиностроительном заводе имени Петрова. Так на предприятии отметили трудовую победу сварщика А. Сафарова, выполнившего личную пятилетку.

Рабочие «автографы» лучшего сварщика республики оставлены на сотнях Буровых, смонтированных во всех нефтяных районах страны. Два десятилетия трудится А. Сафаров на заводе, но особенно успешно работает в десятой пятилетке. Неудачное предприятие позволяет за считанные доли секунды менять электроды в держателе, и сейчас этим новшеством пользуются все сварщики предприятия. По цвету расплавленного металла, заполненного швов, А. Сафаров подбирает оптимальный режим работы сварочного аппарата.

В заводской школе коммунистического труда А. Сафаров щедро делится своими приемами сварки, нередко демонстрируя их прямо на рабочих местах, а сейчас его опыт распространяли на всех машиностроительных предприятиях республики. Следуя примеру передовика, 20 сварщиков решили до конца 1980 года выполнить по две личные пятилетки.

К НОВЫМ РУБЕЖАМ

САРАТОВ. (ТАСС). Зональное совещание работников сельского хозяйства Саратовской области, посвященное повышению плодородия почв, увеличению производства зерна, кормов и другой сельскохозяйственной продукции, завершило работу. В нем приняли участие руководители и специалисты хозяйств, ученые, передовики производства, представители партийных и советских органов, ответственные работники Совета Министров РСФСР, министерств и ведомств.

В докладе академика ВАСНИЛ Н. В. Турбина, в выступлениях участников совещания говорилось о том, что сельские труженники Поволжья и Оренбургской области, горячо откликнувшись на призыв партии сделать 1978 год годом ударного труда, повсеместно развернули социалистическое соревнование за достижение новых успехов в развитии колхозного и совхозного производства.

Поволжье и Оренбургская область — крупнейшие сельскохозяйственные районы страны. Коммунистическая партия, Советское правительство уделяют большое внимание повышению плодородия земли в этой зоне. На орошение земель Поволжья направляются крупные капиталовложения. В этой пятилетке поливные площади здесь возрастут вдвое.

Отдавая должное целенаправленной деятельности совещания орошения, участники совещания орошения, указав на необходимость более эффективного использования поливных земель, подчеркнули важность выращивания на них кормовых, овощных и других культур.

В оставшиеся три года пятилетки сельским тружен-

ЩЕКИНО (Тулская область)

Сегодня по методу, родившемуся в коллективе нынешнего объединения «Азот» (в прошлом Щекинского химического комбината), работает почти половина предприятий города. Два года трудится помещикский коллектив завода синтетического волокна. За этот срок, в основном за счет централизации ремонтных служб, высвобождено 185 человек, которые используются на других работах. Развернутое сотрудничество за расширение зон обслуживания позволяет при том же количестве рабочих неуклонно увеличивать выпуск продукции.

НА СНИМКЕ: ткацкий цех завода. Фото Ю. Набогова. Фотохроника ТАСС.

